

ОБРАЗ ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ В СВЕТСКОЙ И ЦЕРКОВНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Аннотация.

Актуальность и цели. Предметом исследования выступает образ православных священнослужителей в светской и церковной периодической литературе во второй половине XIX в. Цель работы – охарактеризовать отношение к духовенству в обществе, рассмотреть его социальный портрет и направления деятельности в печати во второй половине XIX в.

Материалы и методы. Исследование выполнено с применением общенаучных и специальных исторических методов. В его основу положены принципы историзма, объективности и системно-аналитический подход.

Результаты. Для второй половины XIX в. характерно бурное обсуждение проблем РПЦ на страницах многочисленных центральных и местных периодических изданий. Анализ публикаций в таких изданиях, как «Русское богатство», «Русская старина», «Исторический вестник», «Русский архив», «Самарские епархиальные ведомости», показал, что роль и место православного духовенства в социально-политических процессах в России были актуальными вопросами во второй половине XIX в.

Выводы. Духовенство Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. в социальной структуре общества занимало противоречивое место. С одной стороны, к его представителям предъявлялись серьезные требования и надежды на просвещение народа, с другой стороны, заметно массовое недовольство Церковью как государственным институтом, члены которого – священники – запятнали себя различными духовно-нравственными пороками. Кроме того, если приглядеться к социально-экономическому и правовому положению духовенства в российском обществе второй половины XIX – начала XX в., то становятся заметны проблемы, которые сковывали и парализовывали их деятельность.

Ключевые слова: духовенство, Русская православная церковь, статья, журнал, публицистика.

А. И. Kosheleva

THE IMAGE OF ORTHODOX PRIESTS IN PUBLIC AND ECCLESIASTICAL PERIODICALS IN THE SECOND HALF OF XIX CENTURY

Abstract.

Background. The subject of the research is the image of orthodox priests in public and ecclesiastical periodicals in the second half of XIX century. The article aims at characterizing social attitude to clergy, at considering its social image and lines of publishing activity in the second half of XIX century.

Materials and methods. The research was carried out using general scientific and special historical methods. It was based on the principles of historicism, objectivity and the system-analytical approach.

Results. In the second half of XIX century it was typical to actively discuss the problems of the Russian orthodox church on the pages of multiple central and local

periodicals. The analysis of articles in such publications as «Russkoe bogatstvo» (Russian riches), «Russkaya starina» (Russian antiquity), «Istorichesky vestnik» (Historical bulletin), «Russkiy arkhiv» (Russian archive), «Samarskie eparkhialnie vedomosti» (Samara diocesan bulletin), showed that the importance and the place of the clergy in sociopolitical processes in Russia were the topical problems in the second half of XIX century.

Conclusions. In the second half of XIX – early XX century the clergy of the Russian orthodox church took a contradictory place in the social structure. On the one hand, the clergy were imposed serious requirements and hopes for public education, on the other hand, it is obvious that the society were dissatisfied by the Church as a state institution, the members of which – the priests – tainted themselves by various moral-spiritual vices. Besides, if one takes a closer look at the socioeconomic and legal position of the clergy in the Russian society of the second half XIX – early XX century, it will be possible to see the problems that fettered and paralyzed its activity.

Key words: clergy, Russian Orthodox Church, article, journal, social and political journalism.

История Русской православной церкви неотделима от истории государства Российского. Русская церковь прошла долгий исторический путь, разделяя судьбу народа и государства как в трагические годы, так и в триумфальные, славные эпохи. Сегодня тема Церкви, ее роли и места в государственно-общественных отношениях, а также дискуссии о православном духовенстве и отдельных его представителях чрезвычайно популярны в эфире всех государственных и частных средств массовой коммуникации. Кажется, обновленная Церковь после многолетнего советского забвения переживает сегодня неведомый для нее процесс адаптации к новым реалиям современной жизни.

После возвращения в социальную систему государства в конце XX в. Церковь переживала собственное возрождение, период подъема и оживления. Прошло совсем немного времени, и она оказалась в положении всеобщего пристального внимания и бурного обсуждения ее политики и жизнедеятельности. Общество практически разделилось на два или даже три лагеря. К первому относятся люди, которые хотя и не получили воспитание в духе православия в силу особенностей эпохи, но с возвращением храмов народу постепенно стали людьми воцерковленными и верующими. Другая часть общества занимает скептическую позицию и критически относится к Церкви и ее делам, обвиняя ее в близости к государственной власти и несоответствующих религиозной организации финансово-материальных потребностях и способах их удовлетворения. Есть и такие, которые занимают относительно нейтральную позицию, не позволяют себе огульной критики, но в то же время не считают необходимым становиться членами Церкви. Кажется, такого в дореволюционное время никогда не было, люди жили истинной православной жизнью, а Церковь была в полном смысле слова Богочеловеческим учреждением.

Достаточно обратиться к истории Русской православной церкви второй половины XIX в., чтобы задуматься над тем, что происходит сейчас.

К 80-м гг. XIX в. сеть светских и церковных журналов и газет, особенно в столице и других крупных городах, была достаточно развитой. Положение Церкви и православного духовенства в то время на страницах периодической печати – одна из самых животрепещущих тем. Практически ни одно издание не оставалось в стороне по данному вопросу, у каждого издателя была

четкая позиция, которую он последовательно отстаивал на страницах своего издания и в публикациях всевозможных жанров.

«Литература наша в последнее время стала нередко касаться духовенства», – такими словами начинается издание журнала «Русская старина» «Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства». Автор издания пишет, что выходит много повестей и легких рассказов, а также статей с явными претензиями на серьезность. «Но, к сожалению, многое, что пишется о духовенстве, пишется односторонне, без знания дела, а иногда и с явным желанием унижить духовенство в глазах читающего мира» [1, с. 1]. Приводится цитата из одного уважаемого и популярного журнала: «...духовенство наше неразвито, тупо, глупо и даже безнравственно. Оно не удовлетворяет требованиям современного общества. Оно своим умственным развитием стоит гораздо ниже даже среднего уровня современного общества. Дети духовенства, видя грязное и безнравственное состояние отцов, не хотят быть в этой тине и вылазят из нее во что бы то ни стало, подвергаясь всевозможным лишениям».

Автор «Записок» ставит себе цель – восстановить справедливость и восполнить недостаток в духовной литературе в ответ на публикации таких нападок. Применительно к каждому сословию он рассматривает предъявляемые требования к духовенству, а также размышляет над тем, на какое сословие может равняться духовенство как на идеал.

«Среди духовенства лиц высоко образованных и высоко нравственных по относительному количеству несравненно больше, чем во всех других случаях. Возьмите петербургское духовенство и сравните с остальными гражданами столицы – низший класс оставьте даже в покое – и вы увидите, что перевес на стороне духовенства. Возьмите в любой губернии духовенство, дворян, чиновников и купцов и сравните по относительному их количеству. В каждой губернии вы непременно найдете человек 700 священников и псаломщиков с полным образованием среднего учебного заведения, есть с образованием академическим, и из всего количества 40 % окончивших полный курс средних и высших заведений есть непременно. Переберите, потом, всех служащих чиновников во всех переполненных ими присутственных местах и увидите, много ли там окончивших полный курс гимназий. А на служащих и неслужащих дворян и купцов придется рукой махнуть. Журналов и ученых исследований у нас опять сравнительно с количеством лиц несравненно больше. Ученые произведения наши не уступают любому произведению светскому. О нравственном же содержании всей духовной литературы и говорить нечего. У нас нет ни ругательств, ни перебранок, ни глупых и едва ли нравственных романов и повестей, ни уничижающих человеческое достоинство пасквилей друг на друга» [1, с. 5].

Журнал «Русское богатство» рисует крайне негативный образ сельского священника, который проживает бесцельную и в итоге несчастную жизнь. Пьяницей был его отец дьякон и дьякон в приходе, куда он попал волей судьбы. Повествование ведется от имени «попа» [2, с. 3]. Благодаря случайной встрече с вдовой одного сельского священника он женится на ее дочери и получает место священника в их приходе. Как он сам говорит, такой поворот событий был пределом его жизненных амбиций. Еще во время знакомства с будущей тещей он высказывает свое пренебрежение к духовному учебному заведению: «...я сорвал значок, переломил его на четыре части и бро-

сил». Свой поступок он объяснил так: «...а затем, что я семинарию топчу и презираю... Я теперь покончил с семинарией, я свободен, как птица... И я заговорил о том, что мне форма больше не нужна, что мундир я свой изрежу, повешу в огороде птиц пугать, учителям не стану кланяться, а на ректора с инспектором плюю. Семинария есть кабала» [2, с. 3].

Жизнь свою бывший священник описывает как скучную однообразную череду бесцельно прожитых дней, которые он проводил в полнейшем бездельи, нерадении к своим пастырским, семейным и хозяйственным обязанностям. «Ни журнала я не выписывал, ни газет не получал; не по бедности, а так – возиться не хотелось. Я страдал специально-поповской болезнью... Это не столько лень, сколько отупение всяких способностей, это чахлость, дряблость. Мои предки (отец – дьякон, дед, прадед и прапрадед – попы много пили водки, много спали, не работали ни руками, ни головой и передали мне кровь, зараженную алкоголем, испорченную и негодную для жизни. Очищающего ни в моей, ни в их жизни ничего не было, и жизнь в моем роде, словно свеча в спертom воздухе, медленно погасала; вероятно, я был одним из последних могикан» [2, с. 12].

История этого попа заканчивается тем, что его жена, с которой у них не было детей и с которой их объединил случай, а не любовь, изменила ему с писарем. Развязкой истории стало то, что жена повесилась, а поп сошел с ума, пролежал в «желтом доме» и переехал жить к сестре.

Конечно, «Русское богатство» в данном рассказе рисует вымышленный художественный образ «попа», но журнал хорошо передает настроения того времени.

Также «Русская старина» публикует статью протоиерея В. Иващенко, в которой он представляет другую позицию по вопросу духовно-нравственного уровня священнослужителей. «Священствую я уже более тридцати лет. Учился я и окончил курс семинарии во второй половине 60-х гг. Теперь говорят и пишут, что это время было мутное и нездоровое, для нас, семинаристов нашей семинарии, это было хорошее время. Мы учились жизнерадостно. Учились, не вздыхая. Учили нас профессора, учили именно профессорски, и мы учились студенчески. Припоминается нам теперь наша *alma mater* – семинария, семинарская жизнь, семинарское товарищество, семинарские стремления, семинарские идеалы, вспоминается все это не только с приятностью, а и с любовью» [3, с. 222].

Сознательное отношение к пастырскому служению у выпускника семинарии, описываемое в статье прот. Иващенко, кардинально противоположно описаниям в рассказе из «Русского богатства»: «Окончились выпускные экзамены. Некоторые собирались поступать в Духовную Академию, другие стремились в университеты, большинство готовилось в сельские священники. В числе последних был один из лучших способных, развитых и серьезных семинаристов Ш. На усиленные приставания и уговаривания идти в университет Ш. воодушевленно сказал: «...бесспорно, учиться хорошее дело, но каждому из нас уже за двадцать лет, а мне и целых двадцать три. Если мне поучиться еще лет пять, то уже недалеко будет и до тридцати. Положим, учиться никогда не поздно, но я полагаю, что учиться нам потребно не ради самого учения, а для дела, в ученье для ученья я не вижу определенного смысла, и для себя дальнейшее школьное учение я считаю бесцельным. Пока

вы, господа будущие студенты, сами научитесь, как научить нескольких гимназистов правильно употреблять букву «ять» или же пока наловчитесь подыскивать статьи законов и овладеете юридической казуистикой, делающей из черного белое, из белого черное, и между прочим потратите на все это много своих сил и физических, и моральных, я успею приложить свои силы к настоящему, насущному делу: я в качестве сельского священника успею за это время несколько сот своих прихожан просветить светом Евангелия, сделать их хорошими христианами, а может быть, и хорошими хозяевами, выведу их из окружающей их тьмы невежества и наведу их на жизненный путь света Христова, просвещения христианского, да и свой очаг устрою, стану семьянином, хозяином: буду работать и на себя, и на других, стану делать дело настоящее, насущное и приносить себе и людям пользу существенно-осязательную. Мне думается, что теперь, в особенности в деревне и селе, нужны свежие, морально-здоровые пастыри-священники, и я полагаю, что наше дело быть там – в селе, а не уходить в страну далече и расточать наши силы на разные миражные финтифлюшки. Девять десятых нашей матушки России живут в деревне, и все эти девять десятых живут в невообразимой бедности моральной, а вследствие этого и вещественной. Ни газетные и журнальные трескучие статьи, ни все те эксперименты, какие проделываются теперь над сельским людом, не выведут этого люда из парализующего его убожества, и только истинное просвещение народа даст ему истинную свободу; просветить сельский народ должен и может только священник» [3, с. 225–226].

Ряд публикаций в публицистических изданиях XIX в. посвящен разъяснению того, что уровень нравственности и духовности в священстве с течением времени незначительно менялся. Н. Лесков в «Историческом вестнике» писал: «Собственно говоря, нравственной высоты в духовенстве еще не было. Чтобы в этом убедиться, стоит перечитать исторические труды высокопреосвященного Макария и профессоров Голубинского и Знаменского. О допатриаршем и патриаршем периодах не стоит и говорить: они свелись к тому, что при местоблюстителе «попам» даже не доверяли причащать без свидетелей, да и позже Мордвинов писал Александру I, что «духовенство навлекло на себя презрение народное», а Д. Г. Бибиков еще того позднее знал консисторию, которая «во всеуслышание проповедовала, будто Иисус Христос не есть Сын Божий, а Матерь Божия – простая женщина» (речи Бибикова 8 мая 1851 г.) [4, с. 68].

М. И. Сацердотов в статье «Из прошлого Пензенской епархии» в «Историческом вестнике» также писал, что в 1820–1830-х гг. оно «по степени своего образования значительно отставало от духовенства других, более древних и давно имевших духовные школы, епархий». «Особенно невысоким был уровень просвещения тогдашнего сельского духовенства Пензенской епархии: среди этого духовенства имелось много лиц домашнего образования, ограничивавшегося букварем, часословом и псалтырью; между 655 священниками, тем более между низшими членами церковных причтов, встречались такие, которые за неумением писать не могли даже «учинить рукоприкладства» в метрических книгах и прочих церковных документах; некоторые из священнослужителей «нетверды» были и в чтении, почему, случалось, круглый год при богослужении повторяли одно и то же, заученное на память, Евангелие и один заученный апостол; об истинах христианских многие из

духовенства были, по выражению одного из пензенских архиереев Амвросия Орнатского, самых скудных понятий» [5, с. 654].

В феврале 1904 г. в «Самарских епархиальных ведомостях» была опубликована статья местного священника, в которой он делится своим пастырским опытом и мнением насчет того, почему сельское духовенство обречено на «духовное прозябание». Он приводит эпизод из своей жизни в подтверждение опубликованной в журнале «Миссионерское обозрение» за 1903 г. статье редактора, в которой говорится о причинах упадка духа в духовенстве и «в качестве таковых называются тяжкие условия одинокой, разобщенной в товариществе сослуживцев, отрешенной от культурной среды и света жизни пастыря в сельской трущобе, среди густого мрака народного невежества; материальная зависимость в насущном куске хлеба от всякого мироеда и кулака, благочинническое усмотрение и консисторское судоустройство и отжившая духовно-следственная волокита» [6, с. 1].

Поступив в приход сразу после окончания семинарии, молодой священник с искренней самоотдачей принялся за свои пастырские обязанности и старался принести как можно больше пользы своим «пасомым». «Считал необходимым жить с прихожанами как можно ближе. Старался быть не чиновником В. П. И., а истинным пастырем для прихода». «Во все время моей пятилетней службы в приходе я был для них по силе возможности и священником, и врачом, и юристом». Но с самого начала служения его пастырская ревность наткнулась на серьезные проблемы. В приходе господствовало два порока – «шинкарство» (тайная продажа вина) и сверхжидовское ростовщичество. «Шинкари и ростовщики являлись истинным злом для прихода, выжимая из него последнюю копейку. Не брезговали они и мужицким скарбом и тем в корне подрывали хозяйство особо бедных» [6, с. 2].

Священник с юношеским пылом и энергией бросился на борьбу с этим приходским злом, не рассуждая о последствиях. И с церковной кафедры, и во внебогослужебных и частных беседах он резко обличал эти пороки, «выставляя в ярких красках гнусность поступков лиц, сосущих кровь своего односельчанина». Тогда эти люди решили общими силами «окоротить попа». Сначала они старались склонить священника на компромисс, затем стали застрашивать, в итоге сделали на него ложный анонимный донос, который подписали вымышленной фамилией.

Было произведено следствие, и над священником состоялся суд. Поскольку подлог в доносе сразу обнаружился, следствие само собой должно было прекратиться. Но для того чтобы «обелить себя в глазах начальника», священник сам просил следователя о производстве следствия. Следствие показало лживость возводимых на него в доносе обвинений. Священник пишет, что ситуация эта причинила ему немалую морально-нравственную неприятность. Вывод из такой жизненной перипетии он сделал следующий: «И еще тяжелее вообще за священника, когда видишь, что идеальные стремления его, правда и справедливость могут погибнуть под напором житейской неправды. Не один из молодых священников, еще не испорченных жизнью, крепко задумается над этим положением. А затем постепенно явятся холодность и равнодушие к пастырской деятельности, и в конце концов получится из священника чиновник. Известно ведь и из жизни, и из духовной и светской литературы, что священники-чиновники именно только и могут пользоваться

спокойной жизнью в приходе и даже получать награды, для чего всеми силами стараются о том, чтобы их не мог «поддеть» ни один прихожанин. Такие священники в лице своих прихожан видят как бы врагов, старающихся при первом же случае повредить своему священнику, «донести на него», а не детей духовных. Хотя горько и грустно сознаваться, а это правда. Ведь и мне многие из священников, наученных уже, по их выражению, жизнью, задолго ранее предсказывали конец моей деятельности. Но благодаря почти юношескому задору и вере в правду я не соглашался с ними. Пока не испытал лично на себе. Остаются в утешение только спокойная за свои действия совесть и нравственное сознание исполнения долга» [6, с. 212].

К духовенству всегда предъявлялись высокие требования и всегда находились общественные силы, которые его ругали и порицали, вина во всем и вся. Известный современный журналист, ведущий программы «Специальный корреспондент» на телеканале «Россия» Аркадий Мамонтов считает, что «...информационная война против Церкви идет две тысячи лет... Информационное пространство еще в начале двадцатого века было напряженным. Вокруг Церкви, ее иерархии, вокруг православного народа постоянно крутится внешнее облако серной кислоты – лжи, наговоров, ненависти» [7, с. 7]. Материалы второй половины XIX в.: дела в государственных и местных фондах, публикации в светских и церковных периодических изданиях – также тому подтверждение. Однако как бы ни ругали Церковь в периодике того периода, создается впечатление, что все-таки в этот временной промежуток происходило оживление многих процессов в церковно-общественной жизни. Взять хотя бы развитие проповедничества и устройство церковно-приходских школ.

Вспоминаются слова великого русского писателя Ф. М. Достоевского, который радовался оживлению среди духовенства, но высказывал и тревожное предчувствие, что все-таки можно опоздать. Последовавшие исторические события в нашей стране подтверждают его опасения. Видимо, действительно было слишком поздно что-либо изменить и предотвратить национальную трагедию. Аркадий Мамонтов обнадеживает в сложившейся сегодня политической ситуации: «Войти в то адово море огня, как мы вошли в 1917 году “сдури”, послушав либеральных фашистов, уже никто не захочет» [7, с. 7]. Как говорится, учиться никогда не поздно, тем более на ошибках прошлого, и нужно всегда помнить, что наше национальное будущее зависит от всех нас.

Список литературы

1. Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства [Издание исторического журнала «Русская старина»]. – СПб., 1882.
2. **Быстров, С.** Отставной поп. Воспоминания безместного попа (Посвящается А. Н. Пр-вой) / С. Быстров // Русское богатство. – 1905. – № 9. – С. 3–49.
3. **Ивашенко, В., прот.** Из пастырского быта сельского священника / В. Ивашенко, прот. // Русская старина. – 1909. – № 1. – С. 219–230.
4. **Лесков, Н.** Святительские тени. Любопытное сказание архиерея об архиереях / Н. Лесков // Исторический вестник. – 1881. – Т. 5. – С. 53–69.
5. **Сацедотов, М. И.** Из прошлого Пензенской епархии / М. И. Сацедотов // Исторический вестник. – 1901. – Т. LXXXVI. – С. 654–667.
6. **Н-в, П., свящ.** Причины упадка духа в духовенстве (Иллюстрация) / П. Н-в, свящ. // Самарские епархиальные ведомости. – 1904. – Часть неофициальная. – № 3.
7. **Николаев, В.** Отразить удар / В. Николаев // Беседка. – 2012. – № 7 (40). – С. 7.

References

1. *Zapiski sel'skogo svyashchennika. Byt i nuzhdy pravoslavnogo dukhovenstva [Izдание istoricheskogo zhurnala «Russkaya starina»]* [Notes of a village priest. Daily life and needs of orthodox clergy (Publication of the historical journal “Russian antiquity”)]. Saint Petersburg, 1882.
2. Bystrov S. *Russkoe bogatstvo* [Russian riches]. 1905, no. 9, pp. 3–49.
3. Ivashchenko V., prot. *Russkaya starina* [Russian antiquity]. 1909, no. 1, pp. 219–230.
4. Leskov N. Svyatitel'skie teni. *Istoricheskiy vestnik* [Historical bulletin]. 1881, vol. 5, pp. 53–69.
5. Satserdotov M. I. *Istoricheskiy vestnik* [Historical bulletin]. 1901, vol. LXXXVI, pp. 654–667.
6. N-v, P., svyashch. *Samarskie eparkhial'nye vedomosti* [Samara diocesan bulletin]. 1904, Unofficial part, no 3.
7. Nikolaev V. *Besedka* [Summer house]. 2012, no. 7 (40), p. 7.

Кошелева Алла Игоревна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории Отечества, государства
и права, Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: alla-kosheleva@mail.ru

Kosheleva Alla Igorevna

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of history
of Russia, state and law, Penza State
University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 94(47).081

Кошелева, А. И.

Образ православных священнослужителей в светской и церковной периодической литературе во второй половине XIX в. / А. И. Кошелева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (30). – С. 14–21.